

Лагерная проза казахской литературы XX века: мотивное поле и специфика

А. Т. Жаманкозова, С. К. Токсанова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Республика Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2

Для цитирования: Жаманкозова А. Т., Токсанова С. К. Лагерная проза казахской литературы XX века: мотивное поле и специфика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16. Вып. 2. С. 413–422. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.208>

В статье раскрываются мотивное поле и специфика казахской лагерной прозы. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть особенности лагерной прозы в казахской литературе. Авторы изучали историю вопроса, литературный лейтмотив, типологические схождения русской и казахской литератур, трагическое в романе. Актуальность исследования вызвана интересом современной науки к произведениям лагерной прозы, выступающим моделью общества в определенный исторический период. Научная новизна статьи определяется недостаточностью изучения казахской лагерной прозы в современной литературе. На материале романа Жаика Бектурова «Таңба» авторы доказывают, что образ лагеря выполняет функцию смыслового центра произведения. Лагерь рождает мотивные связи, которые повторяются в названии, персонажах, портретах, сравнениях, лексике, деталях. Специфику произведения составляют персонажи, потерявшие свою индивидуальность, они образуют мотивные связи и единое мотивное поле романа. Художественное своеобразие произведения заключается в восприятии лагеря сквозь призму национальной картины мира и повторяемости мотива, которая необходима для понимания художественной идеи произведения. Трагическое в романе приобретает особое звучание: движение среди противоречий порождено сменой пластов изображения, где неизменным остается внутренний ценностный ориентир героя. Жестокие картины лагерной жизни переживаются сквозь призму эмоциональной рефлексии героя произведения. По мнению авторов статьи, писатель все событийные нити произведения протянул к главному герою, к сознанию униженного, затравленного, но несломленного человека. В заключении исследователи пришли к следующим выводам: мотивное поле и специфика казахской лагерной прозы дают основание считать, что личность, способная мыслить и сохранившая в себе лучшие человеческие качества, вынуждена противостоять суровой лагерной действительности. Герой романа балансирует на тонкой грани между личностью, сохранившей способность мыслить и страдать, и безличным существом, которое уже не владеет собой и начинает жить примитивными рефлексам. Научно-методическую базу составили труды российских ученых, применены структурно-семантический и аналитический методы исследования.

Ключевые слова: Казахстан, лагерь, лейтмотив, мотивные связи, эмоциональная рефлексия, лагерное пространство, антикатарсис.

Из истории вопроса

Казахская художественная литература многопланова и сложна, однако лагерная проза в ней не представлена широко. Имеются отдельные упоминания этой темы в героическом эпосе «Кобланды-батыр» («Қобыланды батыр») в сценах заключения Кобланды в зиндан (темница в виде глубокого безводного колодца у древних казахских племен V–XIII веков), но они выполняют информативно-дидактическую функцию в эпосе и присутствуют исключительно в воспитательных целях [1]. Батыр (в переводе на русский язык — богатырь) в казахском героическом эпосе — это храбрый, доблестный воин, защитник земель от захватчиков, завоевателей. Он наделен необычайной силой, смелостью и личной отвагой, волей к победе и любовью к родной земле. В эпических поэмах батыр (богатырь) был профессиональным военачальником, встававшим во главе войска, его подвиги гипертрофировались, он наделялся качествами идеального героя. Мотив заключения батыра на короткий срок в темницу свидетельствует о том, что для казахского эпоса важен закон справедливости, нарушать который не позволено никому, даже защитнику казахских земель Кобланды. В устной народной поэзии XIX в. известен случай заточения казахского поэта Биржана Кожажулова (известного в народе под именем Биржан-сал, 1834–1897). Он стал жертвой междоусобных распрей, в которые был поневоле втянут. Стихотворение «Железный камень» («Теміртас») стало творческой рефлексией поэта на этот период жизни в заточении.

Первая четверть XX в. ознаменовалась подъемом казахского национально-освободительного движения «Алаш». Яркие представители этого движения, создав партию «Алаш Орда», выступали за государственную независимость Казахской Республики. Аресты и жестокие репрессии государственных и общественных деятелей «Алаш Орды» завершились в 1936–1938 гг. массовыми расстрелами. В 1930 г. появился автобиографический рассказ Кошке Кемеңгерова «Дума заключенного» (Қошке Кемеңгерұлы «Тұтқынның ойы») [2]. Автор описывает образец мужества и внутренней силы героя рассказа (в данном случае самого себя), не сломленного страданиями и тюрьмой. Повествование от первого лица создает атмосферу особого доверия. Несмотря на небольшой объем рассказа, уместившегося на одну страницу, он имеет глубокий смысл. Автор раскрывает перед читателем личную систему нравственных координат, в которой осознание необходимости борьбы за независимость и процветание страны ставится героем рассказа выше собственной жизни.

В 1997 г. был опубликован роман Жаика Бектурова (Жайық Бектұров) «Таңба», который стал полноценным художественным образцом лагерной прозы в истории казахской литературы [3]. Это произведение не было объектом пристального научного исследования, тогда как в мировом литературоведении лагерная проза активно изучалась с последней четверти XX в. Этим и объясняется отсутствие специальных научных работ по лагерной прозе в казахском литературоведении, а также проявленный нами интерес к данной проблеме. Существенный вклад в изучение лагерной прозы внесли российские исследователи, труды которых составили научно-методологическую основу настоящей статьи. Предлагаемая статья является первым научным исследованием по этой проблеме. В основу работы положены структурно-семантический и аналитический методы.

Литературный лейтмотив романа Жаика Бектурова «Таңба»

Роман Жаика Бектурова «Таңба» написан в 1957–1960 гг., опубликован через 37 лет. Уникальность исследуемого произведения состоит в том, что это единственный казахский роман, написанный на лагерную тему. Роман автобиографичен, наполнен документальными источниками и свидетельствами. Писатель испытал на себе все трудности лагерной жизни, будучи политическим заключенным. Прототипом главного героя Турлыбека стал сам автор. Автор служил офицером и редактором газеты 105-й кавалерийской дивизии, летом 1942 г. по ложному политическому доносу он был арестован и приговорен особым совещанием НКВД СССР к десяти годам лишения свободы. Заключение отбывал в Ивдельлаге Свердловской области, где подвергался пыткам. В 1955 г. дело было прекращено, окончательно был реабилитирован Жаик Бектуров в 1989 г. [4, с. 168]. Роман не переведен на русский язык, авторы данной статьи работают над переводом произведения в рамках внутривузовской научной работы.

Композиция произведения линейная, состоит из трех частей. Структура романа обнаруживает принцип лейтмотивного построения повествования [5, с. 30]. На первый план выступает мотив лагеря, который многократно повторяется в образах, деталях, описаниях обстановки, картинах суровой лагерной действительности. Название произведения, которое писатель менял дважды, несет глубокий авторский посыл. Заглавие романа Ж. Бектурова «Таңба», что в переводе на русский язык означает «клеймо», выполняет функцию нарративного дискурса. Ивдельлаг — клеймо не только для тех, кто попал туда, это клеймо всей эпохи. Лагерь стал смысловым центром произведения. Он либо ломает человека и ценой рабского послушания заставляет привыкнуть к жизни без свободы, либо учит человека свободе в тюрьме. Соглашаясь с Н. Фатеевой, мы считаем, что заглавие, как пограничный элемент текста, имеет в романе внешний и внутренний смысл [6]. Внешний смысл — это клеймо отдельно взятого человека, который осужден и прошел лагерь без малейшей надежды на возвращение к прежней жизни. Внутренний смысл заглавия, по нашему мнению, обращен непосредственно к художественному тексту, в котором клеймо — это лагерь, шире — трагический период советской истории. Лагерное пространство в романе становится гетеротопией, в которой, по справедливому замечанию В. Кулькиной, «возможно социальное взаимодействие или модели поведения, исключенные из общепринятых норм поведения» [7, с. 23]. В этой связи персонажи произведения теряют свою отдельность и выступают мотивными связями романа. Находясь в экстремальной ситуации, они подведены к конечной черте, за которой жизнь превращается в ад. Это напряжение отражает хронотоп романа, чрезвычайно спрессованный. Деструкция традиционной системы пространственно-временных координат замыкается границами лагеря, опыт прошлой жизни подменяется новой реальностью, в которой, по мнению М. Дмитриевой, человеческая жизнь становится «мерой исчисления» [8, с. 72]. Мотивные связи персонажей романа порождают определенные смысловые ассоциации, они в конечном счете соизмеряются с мотивом лагеря и раскрывают идею всего произведения. Главный герой романа — Турлыбек, образованный казах, редактор газеты, заключен в микрокосмосе камеры и лагеря. Его внутренняя речь помогает проследить динамику развития мысли и понять авторский посыл: лагерь лишает людей человек-

ности, его назначение — уничтожить, сломать личность, лишить ее человеческого достоинства. О. Васильева определяет специфику лагерной прозы как «ад и абсурд лагерной реальности» [9, с. 62]. Ад и абсурд лагерной реальности в романе существуют одновременно: в Ивдельлаге отбывают срок интеллигенция и криминальные элементы. Уголовники, которые ради пищи и хлеба готовы на любую подлость и ложь, стирают привычные законы справедливости и добра, а потому все герои романа становятся беззащитными перед суровой лагерной реальностью. Смысловые ассоциации персонажей романа, где на одной стороне находятся политические заключенные, а на другой — уголовники, восходят к смысловому центру произведения — лагерю. Ивдельлаг выворачивает наизнанку человека, обнажая самые худшие стороны характера в борьбе за выживание, где осужденные вынуждены либо жить по законам зоны, либо погибнуть. Образы эзков, охранников, бригадиров, начальников лагерей поражают ужасающей жестокостью. Страшные лагерные ситуации унижения людей озверевшими уголовниками становятся привычными, поскольку закон лагеря неизменен. Неподчинение внутренним неуставным порядкам Ивдельлага грозило заточением в карцер или смертью в тайге. Заключенные валили лес и понимали, что за отказ от приписок или неповиновение уголовникам можно навсегда остаться в холодной яме таежного леса. Лексика романа изобилует тюремным жаргоном. Психологические портреты заключенных автор создает, описывая ужасающие своей жестокостью жесты, мимику, речь. Особая роль в романе отводится деталям, почти каждая из которых строится на алогизме, трагизме происходящего. Так, заключенные Ивдельлага дерутся за рыбу голову, вынесенную с помоями. В этой драке погиб человек, которого отбросили и забыли. Рыба голова и очистки овощей являются желанным лакомством для голодных заключенных. Характерной особенностью стиля повествования Жаика Бектурова стало национальное восприятие происходящего сквозь призму ошеломляющих сравнений: заключенных бьют плеткой, словно домашнюю скотину; все в лагере выглядит старо, подобно аруахам (аруахи — духи умерших людей) [3, с. 74, 132]. Автор подводит своего читателя к *антикатарсису*, где смерть заключенных намеренно нивелируется. Эстетическое потрясение, вызываемое подробностями повседневного лагерного существования, поражает своей ужасающей реальностью: смерть сокамерников не волнует живых, их больше беспокоит, кому достанется картошка умершего. Верно, на наш взгляд, определяет антикатарсис М. Михеев, считая, что это не очищение посредством переживания, а «...новое беспокойство, тревога, сомнение...» [10, с. 185]. Главный герой размышляет о тонкой грани между личностью, сохранившей способность мыслить и страдать, и безличным существом, которое уже не владеет собой и начинает жить примитивными рефлексам. Его беспокоит судьба человека в тоталитарной системе, где, по мнению И. Некрасовой, «зло есть поражение именно человека, оно является одной из составляющих его природы» [11, с. 36]. Лагерь представляет собой своеобразную модель общества на определенном историческом этапе. Объектом писательского исследования выступает внутренняя природа человека в чрезвычайных обстоятельствах.

Типологические схождения казахской и русской лагерной прозы

Описание лагеря, мотивные связи, смешение ужасающего и алогического в романе Ж. Бектурова «Таңба» обнаруживают типологические схождения с лагерными рассказами В. Т. Шаламова. Роман перекликается с мыслями Шаламова, который считал лагерную тему главным вопросом «нашего времени и морали» [12, с. 157]. «Колымские рассказы» Шаламова представляют собой цикл рассказов и очерков о жизни заключенных Севвостлага. Художественно воссоздавая ужасающую своей жестокостью лагерную реальность, автор повествует о судьбе заключенных на грани жизни и смерти. Если Бектуров погружает читателя в поток сознания своего героя, то Шаламов поражает страстностью и безудержной силой художественных характеристик, описаний картин лагерного зла метким, сильным словом. Для Шаламова важно, чтобы весь мир узнал о величайшей трагедии XX в., которая, возможно, страшнее войны. Общность повествования заключается, на наш взгляд, в том, что оба писателя делают объектом изображения лагерь как обособленное пространство, живущее по своим законам жестокости и зла. Автобиографическая основа произведений позволяет авторам не только раскрыть трагические страницы истории, но и показать, чем силен человек в экстремальной пограничной ситуации.

С романом А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» изучаемое произведение объединяют жанровая принадлежность, единый смысловой центр — лагерь и смысловые ассоциации, связанные с ним. Ивдельлаг НКВД СССР был создан в августе 1937 г. на территории Свердловской области и стал одним из самых крупных лагерей лесной промышленности, входил в систему ГУЛАГ НКВД СССР. Заключенные заготавливали и перевозили древесину, строили дороги. Расположенный в непроходимых лесах лагерь стал средством уничтожения тысяч заключенных. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына — художественно-историческое произведение, широко и полно раскрывающее ужасы репрессий во всех исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР. Повествование Солженицына характеризуется широтой пространственного и временного охвата объекта изображения, где Ивдельлаг был частью единой системы главного управления лагерей СССР. Лагерь Солженицына и лагерь Бектурова в смысловом понимании одно и то же — это символ ада на земле. Творческая рефлексия писателей над определенным периодом их жизни обусловлена схожими условиями тюремного заключения самих авторов, общностью исторического времени и желанием донести до читателей мысль о том, что высшей ценностью государства остается человек и его жизнь.

Следует отметить, что Ж. Бектуров не опирался на художественный опыт В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына, о чем неоднократно говорил в своих интервью. «Таңба» Жаика Бектурова — самостоятельное, законченное и цельное произведение казахской художественной прозы, которое подкреплено документальными источниками и основано на творческой рефлексии писателя. После написания роман не сразу дошел до широкого круга читателей. Такой участи не избежали произведения всех национальных литератур бывшего СССР, которые повествовали о культе личности и последствиях тоталитарной системы. Роман был опубликован через 37 лет после его создания. Ж. Бектуров дожил до этого дня, но ничего менять в произведении не стал. Автор только добавил один документ — обвинительное заключение главного героя Турлыбека, которое было составлено заочно без его

личного участия в судебном процессе. Этим документом автор хотел подчеркнуть, что тысячи оклеветанных и убитых в лагерях политических заключенных были невинно осуждены без суда и следствия. Все остальное осталось без изменения. Профессор Н. Лейдерман пишет: «Для тех, кто родился в России в первой трети XX в., встреча с миром проходила как встреча с самой кровавой в истории человечества тоталитарной системой. Такова была ипостась Бытия, таков в то время был для всех нас лик Вечности» [13, с. 277]. Столкновения с таким «ликом Вечности» не избежала и казахская интеллигенция в лице главного героя романа. В центр мира лагеря, где сливаются достоверное и алогичное, автор ставит обыкновенного человека. На фоне регламентированного, неизменного лагерного образа жизни отчетливо проступает человеческая индивидуальность: человек либо примиряется со своим положением, либо противостоит режиму. Турлыбек противостоит системе путем размышлений и поисков ответов на бесконечные и нескончаемые внутренние вопросы. Размышления героя выступают эмоциональной рефлексией над происходящим, его внутренняя речь обращена к самому себе. По мнению Л. Стариковой, лагерная тема тем и уникальна, что воссоздается в творческой рефлексии автора, участника и живого свидетеля описываемых событий [14, с. 173]. В истории казахской литературы роман Ж. Бектурова «Таңба» стал первой литературной оппозицией тоталитарной системе. Поэтому вслед за Д. Ардамацкой мы считаем, что необходимы широкие научные исследования в этом направлении [15, с. 256].

Трагическое в романе

Трагическое присутствует в лагерной прозе всегда. Доминирующим элементом трагического повествования становится сама *личность*, проживающая собственную судьбу. Важным в этом аспекте становится не то, достигнет ли личность цели, а то, *что* выпадет на ее долю, и сможет ли герой сохранить человеческое в себе на этом пути. В. Бахмутский писал: «...все величие человека в его трагическом уделе. Поэтому все обращается в свою противоположность: сила становится слабостью, слабость — силой...» [16, с. 82]. Авторская эмоциональность предстает в самом широком диапазоне, изображая страшные лагерные сцены голода, дистрофии, унижения, смертей и зверств уголовников. Когда шатающийся на ветру голодный политический заключенный идет сдавать кровь за булку черного хлеба, автор сопереживает ему и понимает всю безнадежность и несправедливость людей. В такие моменты герой смотрит высоко в небо, и тогда тоска и уныние сменяются у него верой в собственные силы и общечеловеческие ценности. Трагизм в романе создается посредством противопоставления суровой лагерной действительности и ее неприятия героем, что порождает движение вперед, действие. Ужасающие картины лагеря сменяются описанием внутренних переживаний героя, Турлыбек мысленно оценивает происходящее с позиций нравственных ценностей. Смена пластов изображений в повествовании позволяет герою переходить из состояния унижения и безнадежности в иное измерение. В этом сущность изображения трагического в романе. Трагическое опирается на это движение. Здесь мы приближаемся к тому ритму движения, о котором писал В. Шкловский: «Двигаясь среди противоречий, человек познает сам себя, и остановка — это только толчок нового пути» [17, с. 293]. Герой романа учит выбирать и создавать свою жизнь в новых жестоких реалиях

наперекор судьбе. Иначе говоря, Турлыбек учит *самости*. Способность мыслить помогает герою пройти сквозь испытания лагерной жизни и противостоять трагическим обстоятельствам. Герой осмысливает жизнь через оценивание происходящего вокруг. Долгий путь в вагонах смерти, когда обычными ножницами удаляют обмороженные пальцы заключенных, умершие от голода люди, криминальные авторитеты оцениваются в романе глазами Турлыбека. Реакция героя проявляется в потоке сознания, внутренних монологах, эмоциональной рефлексии — в том, что В. Тюпа назвал «переживанием переживаний» [18, с. 20]. Трагическое описание лагерной жизни и ее законов в романе обращается к внутренним глубинам человеческой души, эмоциональная рефлексия героя выступает своеобразным типом поведения и отношения человека к тем реалиям, в которых он вынужден находиться. Жизнь Ивдельлага раскрывается и оценивается через абсолютный «ценностный ориентир» (М. Бахтин) героя романа. Поэтому писатель рефлексиирует над жестокостью и унижениями посредством внутренних монологов героя, вовлекая в этот процесс и читателя. Изображая лагерь, отраженный в мыслях Турлыбека, писатель подчеркивает, что все событийные нити произведения тянутся к герою, к сознанию униженного, затравленного, но несломленного человека. Турлыбек проживает грань двух планов бытия: мирной жизни и темного, бесформенного, ужасающего своей жестокостью существования. Но он сумел пережить эту грань и сохранить внутренние ценностные ориентиры, что делает его личностью. Понимание тонкой грани двух пластов бытия и способность преодоления трагизма лагерной жизни играют ключевую роль в понимании трагического в романе Ж. Бектурова «Таңба».

Заключение

Первая четверть XX в. характеризуется зарождением лагерной темы в казахской литературе и берет начало с рассказа К. Кеменгерова «Дума заключенного» («Тұтқынның ойы»). Структура произведения включает внутренний монолог единственного персонажа, рассказ имеет небольшой объем. В 1997 г. был опубликован роман Ж. Бектурова «Таңба», который является образцом казахской лагерной прозы. Объединяют оба произведения мотив политического преследования главных героев, автобиографический характер повествования, внутренняя речь персонажей как эмоциональная рефлексия авторов над происходящим.

В мировой литературе казахская лагерная проза представлена романом Жаика Бектурова «Таңба». Для него характерна автобиографическая основа повествования, обусловленная личным опытом автора. Лагерь в романе изображен обособленным пространством с четкими временными, территориальными границами, суровой иерархией и искаженными ценностными ориентирами. Оппозиция свободы и несвободы, должного и алогичного в казахской лагерной прозе приобретает конкретность и ужасающую реальность описания. Трагическое преодоление жестокости и зла становится возможным в сознании героя. Погружая читателя в психологию героя, автор создает новое философское осмысление человека и его способности сохранить внутренний ценностный ориентир в ситуации несвободы. Спецификой казахской лагерной прозы стала эмоциональная рефлексия автора сквозь призму национальной картины мира. Персонажи романа образуют единое мотивное поле, где мотив лагеря многократно повторяется, образуя периферийные

области, которые непосредственно связаны с центром и раскрывают конечную цель автора: показать трагедию безвинно погибших репрессированных людей, силу человеческого духа и беспощадную машину сурового времени 30–40-х гг. XX в.

Литература

1. *Күмісбаев Ш.* Қобыланды батыр. Алматы: Алматы кітап баспасы, 2014. 184 б. [*Кумисбаев Ш.* Кобланды батыр. Алматы: Алматы кітап, 2014. 184 с.] (На каз. яз.)
2. *Кемеңгерұлы Қ.* Тұтқынның ойы // *Кемеңгерұлы Қ.* Үш томдық шығармалар жинағы. Т. 1. Алматы: Алаш, 2005. Б. 233. [*Кемеңгерұлы Қ.* Дума заключенного // *Кемеңгерұлы Қ.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Алматы: Алаш, 2005. С. 233.] (На каз. яз.)
3. *Бектұров Ж.* Таңба. Алматы: Казахстан, 1997. 302 б. [*Бектұров Ж.* Клеймо. Алматы: Казахстан, 1997. 302 с.]. (На каз. яз.)
4. *Жаик Бектұров* // Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы: Казахская энциклопедия, 2004. С. 168–169.
5. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука — Восточная литература, 1993. 304 с.
6. *Фатеева Н. А.* Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 352 с.
7. *Кулькина В. М.* Гетеротопия как способ анализа пространства (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2018. С. 21–28.
8. *Дмитриева М. Н.* Особенности хронотопа в прозе Шаламова // Молодая наука — 2016: материалы Региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2016. С. 70–73.
9. *Васильева О. В.* Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50–80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 2. Вып. 4 (№ 23). С. 54–63.
10. *Михеев М. О* «новой» прозе Варлама Шаламова // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 183–214.
11. *Некрасова И. В.* Судьба и творчество Варлама Шаламова: монография. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2003. 204 с.
12. *Шаламов В. Т.* О прозе // В. Т. Шаламов. Собрание сочинений в 6 т. + т. 7, доп. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 гг. / сост., подгот. текста, примеч. И. Сиротинский. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013. С. 144–157.
13. *Лейдерман Н. Л.* Русская литературная классика XX века: Монографические очерки. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 308 с.
14. *Старикова Л. С.* «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Вып. 2-4 (62). С. 169–173.
15. *Ардамацкая Д. А.* Философия «после ГУЛАГа»: осмысление исторической катастрофы // *Studia Culturae*. 2013. № 16. С. 256–264.
16. *Бахмутский В. Я.* Луч разума и глубины сердца (Французские моралисты). В кн.: В. Я. Бахмутский. Пороги культуры. М.: Гелеос, 2005. 352 с.
17. *Шкловский В.* О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.
18. *Тюпа В. И.* Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2023 г.,
рекомендована к печати 27 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Жаманкозова Арилана Тулендиевна — канд. филол. наук; arilana70@mail.ru
Токсанова Саняя Коптлеуовна — канд. пед. наук; saniya_tok@mail.ru

Camp Prose of Kazakh Literature of the 20th Century: Motive Field and Specificity

A. T. Zhamankozova, S. K. Toxanova

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan

For citation: Zhamankozova A. T., Toxanova S. K. Camp Prose in Kazakh Literature of the 20th Century: Motive Field and Specificity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2024, vol. 16, no. 2, pp. 413–422. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.208> (In Russian)

The article reveals the motivic field and specificity of Kazakh camp prose. The purpose of the work is to consider the features of camp prose in Kazakh literature. The authors studied the history of the issue, the literary leitmotif, typological convergences of Russian and Kazakh literatures, and the tragic in the novel. The relevance of the study is caused by the interest of modern science in works of camp prose, which act as a model of society in a certain historical period. The scientific novelty of the study is the insufficiency of studying Kazakh camp prose in modern literature. Based on the material of Zhaik Bekturov's novel "The Brand," the authors prove that the image of the camp serves as the semantic center of the work. The camp gives rise to motivic connections that are repeated in the name, characters, portraits, comparisons, vocabulary, and details. The specificity of the work is the characters who have lost their individuality; they form motive connections and a single motive field of the novel. The artistic originality of the work was the perception of the camp through the prism of the national picture of the world and the repetition of the motif, which is necessary to understand the artistic idea of the work. The tragic in the novel takes on a special meaning: movement among contradictions is generated by a change in the layers of the image, where the hero's internal value orientation remains unchanged. Finally, conclusions are presented, structural-semantic and analytical research methods were applied.

Keywords: Kazakhstan, camp, leitmotif, motive connections, emotional reflection, camp space, anti-catharsis.

References

1. Kumisbaev Sh. *Kobylandy batyr*. Almaty, Almaty Kitap Baspasy, 2014. 184 p. (In Kazakh)
2. Kemengeruly K. Thoughts of a Prisoner. In: Kemengeruly K. *Collected works in three volumes. Vol. 1*. Almaty, Alash Publ., 2005. 320 p. (In Kazakh)
3. Bekturov Zh. *Stigma*. Almaty, Kazakhstan Publ., 1997. 302 p. (In Kazakh)
4. Zhaik Bekturov. *Kazakhstan. Natsional'naia entsiklopediia*. Almaty, Kazakhskaiia entsiklopediia Publ., 2004, pp. 168–169. (In Kazakh)
5. Gasparov B. M. *Literary motives. Essays on Russian literature of the twentieth century*. Moscow, Nauka — Vostochnaia literatura Publ., 1993. 304 p. (In Russian)
6. Fateeva N. A. *Synthesis of the whole. On the way to a new poetics*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 352 p. (In Russian)
7. Kulkina V. M. Heterotopia as a way to analyze space (review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia literatura. Serii 7: Literaturovedenie*, 2018, pp. 21–28. (In Russian)
8. Dmitrieva M. N. Features of the chronotope in Shalamov's prose. *Molodaia nauka — 2016: materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Pyatigorsk, Piatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet Publ., 2016, pp. 70–73. (In Russian)
9. Vasilyeva O. V. The evolution of the camp theme and its influence on Russian literature of the 1950s–1980s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2: Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, 1996, iss. 4 (no. 23), pp. 54–63. (In Russian)
10. Mikheev M. On the "new" prose of Varlam Shalamov. *Voprosy literatury*, 2011, no. 4, pp. 183–214. (In Russian)

11. Nekrasova I. V. *The fate and work of Varlam Shalamov: Monograph*. Samara, Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2003. 204 p. (In Russian)
12. Shalamov V. T. About prose. In: Shalamov V. T. *Collected works in 6 volumes + vol. 7, add. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979*. Comp., prep. text, notes by I. Sirotsky. Moscow, Knizhnyi klub "Knigovek" Publ., 2013, pp. 144–157. (In Russian)
13. Leiderman N. L. *Russian Literary Classics of the 20th Century: Monographic Essays*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1996. 308 p. (In Russian)
14. Starikova L. S. "Camp Prose" in the Context of Russian Literature of the 20th Century: Concept, Limits, Specifics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, iss. 2–4 (62), pp. 169–173. (In Russian)
15. Ardamatskaya D. A. Philosophy "after the Gulag": Understanding the historical Catastrophe. *Studia Culturae*, 2013, no. 16, pp. 256–264. (In Russian)
16. Bakhmutsky V. Ya. Ray of reason and depth of the heart (French moralists). In: Bakhmutskiy V. Ya. *Porogi kul'tury*. Moscow, Geleos Publ., 2005. 352 p. (In Russian)
17. Shklovsky V. *On the theory of prose*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 384 p. (In Russian)
18. Tyupa V. I. *Analysis of literary text*. Moscow, Akademiia Publ., 2008. 336 p. (In Russian)

Received: May 22, 2023

Accepted: February 27, 2024

Authors' information:

Arilana T. Zhamankozova — PhD in Philology; arilana70@mail.ru

Saniya K. Toxanova — PhD in Pedagogy; saniya_tok@mail.ru